

RU

Постпандемийный образ ребенка в британском медиадискурсе
(на примере The Guardian)

Рыжкова Е. В., Кокконен Е. И.

Аннотация. Цель исследования – расширение представлений о языковой картине постпандемийного мира, репрезентируемой в медиатекстах, через моделирование транслируемого в публикациях британских СМИ образа постковидного ребенка. В статье приведены результаты контент-анализа 46 публикаций газеты The Guardian за период с января 2023 года по декабрь 2024 года, в которых освещаются проблемы воспитания и образования детей. Определено, что медиаобраз ребенка представлен следующими ключевыми топиками: «посещаемость», «поведение», «возрастные ожидания», «ментальное здоровье», «перерыв в обучении», «особые потребности». Установлена структура рассматриваемого медиадискурса, в котором выделяются следующие субдискурсы: родительский, педагогический, детский, журналистский, юридический, статистический и дискурс власти, в том числе политический, которые различаются по степени представленности в них выделенных топиков. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые реконструируется образ постпандемийного ребенка в британских СМИ как междискурсивный феномен, возникающий на пересечении указанных субдискурсов.

EN

The post-pandemic image of the child in British media discourse
(a case study of The Guardian)

E. V. Ryzhkova, E. I. Kokkonen

Abstract. The aim of this research is to broaden the understanding of the linguistic picture of the post-pandemic world, as represented in media texts, by modeling the image of the post-COVID child conveyed in British media publications. The article presents the results of a content analysis of 46 articles from The Guardian newspaper, covering the period from January 2023 to December 2024, which focus on issues related to child-rearing and education. It has been determined that the media image of the child is represented by the following key topics: "attendance", "behaviour", "age-related expectations", "mental health", "disruption of education", and "special needs". The structure of the media discourse under consideration has been established, identifying the following sub-discourses: parental, pedagogical, child, journalistic, legal, statistical, and the discourse of power, including political, which differ in the degree to which the identified topics are represented within them. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first to reconstruct the image of the post-pandemic child in British media as an interdiscursive phenomenon arising at the intersection of the specified sub-discourses.

Введение

Развертывание процесса массовой вакцинации от Covid-19 в 2022 году позволило средствам массовой информации (СМИ) и рядовым британцам заговорить о «постковидной нормальности» – возвращении к привычной жизни, социальной активности, свободе передвижения и общения. Вместе с тем, как показывает запрос “child + Covid” на сайте The Guardian (<https://www.theguardian.com>), с начала 2023 года в британской прессе достаточно часто появляются статьи о нарушениях механизмов взаимодействия на всех уровнях системы образования: семьи, образовательных учреждений, департамента образования и даже правящей политической партии. Это свидетельствует о том, что поведение и мировоззрение людей изменилось: 18 месяцев изоляции оказали значительное воздействие на их социально-эмоциональную и когнитивную сферу. В фокусе обсуждаемых проблем оказывается ребенок как объект воспитания и обучения.

В публикациях также освещаются результаты опросов молодых людей, переживших в подростковом возрасте пандемию, которые считают себя *a sacrificed / written off generation* (поколением, принесенным в жертву /

списанным со счетов), у которого нет будущего. Столь негативная картина, связанная с последствиями ковида, заставляет задуматься над тем, как конструируется образ ребенка в постпандемийном британском медиадискурсе.

Актуальность настоящего исследования обуславливается неослабевающим интересом современной лингвистики к медиадискурсу как средству формирования общественной картины мира. Работы как отечественных, так и зарубежных ученых последних лет демонстрируют, что в фокусе внимания исследователей оказываются наиболее значимые аспекты социальной действительности, преломленные в дискурсе СМИ, такие как, например, изменения климата (Schäfer, 2020) или образы ведущих политиков и мировых держав (Нагибина, Экзархова, 2023; Ягфаров, Ань, 2022; Ну, 2023). Мы полагаем, что дискурс-анализ – это инструмент, позволяющий актуализировать постоянно меняющийся «ландшафт» медиапространства, выделяя «пульсирующие точки», и структурировать его посредством контент-анализа, показывая динамику и векторы его развития. Пережитая обществом пандемия изменила реальность, механизмы ее восприятия и языкового представления, что отражается в научных исследованиях (Байбатырова, 2022; Горностаева, 2021; Калинин, 2021; Катермина, Липириди, 2021; Пак, 2021; González, Errasti-Ibarrondo, Iraizoz-Iraizoz et al., 2023). Основной корпус исследований посвящен медиаобразам пандемии, болезни, вакцинации и смежных проблем. Массмедийной репрезентации жертв пандемии, в частности детей, не уделяется должного внимания. Мы считаем, что СМИ представляют личность постковидного ребенка как общественную проблему, не ограниченную рамками семьи и образовательных учреждений и требующую неотложного внимания и решения. Транслируемый и навязываемый ими медиаобраз дополняет картину мира общества новыми элементами, исследование которых расширяет представления о последствиях пандемии.

Поставленная цель определила следующие задачи:

- 1) составить выборку статей сайта газеты The Guardian, в которых репрезентируется медиаобраз постковидного ребенка;
- 2) провести анализ содержания статей с целью выделения ключевых аспектов личности ребенка, вызывающих общественное обсуждение;
- 3) установить типологические и конструктивные особенности медиадискурса, концентрирующегося на проблемах ребенка;
- 4) реконструировать образ ребенка в текстах The Guardian как междискурсивный феномен.

Материалом послужили 46 статей газеты The Guardian (<https://www.theguardian.com/uk>), отобранных методом случайной выборки за период с января 2023 по декабрь 2024 года. Ключевыми словами, тематически определяющими принадлежность массмедийного текста к искомой предметной области, послужили лексические индексы *child + Covid*. Всего по сформулированному запросу было получено 12400 упоминаний, что свидетельствует об интенсивности обсуждения данной темы в рассматриваемый период. В дальнейшем тема теряет свою остроту и количество упоминаний снижается. Общий объем исследованной выборки составил 49076 слов.

В качестве методов исследования были выбраны количественный и качественный контент-анализ, дискурс-анализ; для интерпретации полученных результатов применялся описательно-аналитический метод. Исследование проводилось в трех взаимосвязанных направлениях. Для определения ключевых топиков статей был проведен количественный контент-анализ с использованием программы AntConc (Build 3.5.8) (<https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>), позволяющей установить частотность употребления лексических единиц и их коллокации. В дальнейшем выделенные лексемы группировались по укрупненным тематическим группам.

Параллельно с этим устанавливалась структура рассматриваемого медиадискурса, выделялись его субдискурсы, определялись акторы и их взаимоотношения.

На заключительном этапе давалась качественная интерпретация полученных статистических данных с учетом специфики субдискурсов и их акторов и конструировался междискурсивный образ постпандемийного ребенка.

Теоретическую базу исследования составили работы ведущих ученых в области общей теории дискурса и, в частности, медиадискурса: Т. Г. Добросклонской (2020), В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина (2023), А. В. Полонского (2012), В. Е. Чернявской (2001), Н. Фэркло (Fairclough, 1995), М. Йоргенсен и Л. Филлипс (Jørgensen, Phillips, 2002); по вопросам изучения отдельных типов дискурса: Е. С. Богомяковой (2015), Ю. В. Щербининой (2010), Т. ван Дейка (Dijk, 1988), Н. Е. Энkvиста (Enkvist, 1991); в области методологии контент-анализа: А. В. Семёновой и М. В. Корсунской (2010).

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в практике преподавания курсов лингвокультурологии, медиалингвистики, теории дискурса, лингвострановедения и основ межкультурной коммуникации. Также полученные результаты могут быть интересны специалистам в области сравнительной педагогики, социальной психологии и социологии.

Обсуждение и результаты

Постулат М. Маклюэна «средство – это сообщение» (“the medium is the message”) (McLuhan, 1964) раскрывает роль СМИ в создании образов, которые определяют восприятие информации аудиторией и влияют на ее когнитивные процессы. Они конструируют реальность, формируя отношение общества к той или иной ситуации или проблеме. Важна не новость как таковая, а посыл (мысли, взгляды), передаваемый адресату. Т. Г. Добросклонская (2020) отмечает, что эксплицитно или имплицитно лингвистические особенности текста выражают социокультурные или идеологические смыслы.

Образ ребенка в медиатекстах – это конструкт, определяемый политическими, экономическими и социальными изменениями. При этом устойчивость образов в медиапространстве, как отмечает Т. Г. Добросклонская (2020), формирует стереотипы, которые становятся частью коллективного сознания.

Так, например, контент-анализ медиатекстов, проведенный британскими учеными М. М. Davies и N. Mossdell (2005) и европейскими исследователями N. Korać и J. Vranješević (2003), показал, что в начале 2000-х образ ребенка формировался в негативной парадигме – как уязвимый и зависимый объект, подверженный насилию и коммерциализации, – и мало рассматривался как субъект социальных отношений, в т. ч. как правонарушитель. Также отмечается, что ведущую роль в конструировании образа играют журналисты и эксперты (педагоги, психологи, социологи и др.), а родителям, представителям общественных организаций и политических институтов отводится второстепенная роль.

В российской парадигме исследований можно выделить работу Е. С. Лосевой и Т. Ю. Фадеевой (2017), которые отмечают, что образ ребенка в медиапространстве определяется отбором содержания публикаций по культурным, идеологическим и правовым аспектам. Результаты контент-анализа позволили им сделать выводы, что в большинстве случаев ребенку отводится пассивная роль: жертва; объект заботы/воспитания; инструмент политики/пиара; инвалид. Активная роль чаще всего связана с асоциальным поведением (агрессор/неуправляемый). Образ ребенка-героя / предмета гордости мало представлен. Ученые также делают вывод, что на роль, отводимую ребенку в публикациях, оказывает влияние сезонный фактор: к праздникам, так или иначе связанным с детством (1 сентября, Новый год, школьный выпускной), конструируется позитивный медиаобраз – «дети плюс» – «послушные, исполнительные, ведомые», но не «активно действующие субъекты» (Лосева, Фадеева, 2017, с. 40-41).

Вместе с тем Л. Л. Клещенко (2019) полагает, что образ ребенка в СМИ зависит от политической идеологии издания. В частности, либеральные медиа конструируют образы «дети-герои», «дети-жертвы» или «дети – неполноценные взрослые».

Обратимся к анализу статей The Guardian за 2023-2024 год. Для выделения наиболее значимых в полученной выборке топиков была проанализирована частота использования существительных, так как они служат средствами номинации обсуждаемых проблем. Для этого применялся инструмент “Word” сервиса AntConc, представляющий все слова анализируемого корпуса в виде частотного списка по убыванию. В Таблице 1 представлены результаты выборки существительных с количеством упоминаний не ниже 20. Поскольку использованное программное обеспечение не позволяет объединять словоформы в одну лексему, обработка данных производилась вручную. Также статистически объединялись близкие по смыслу синонимы, представленные в строках через символ слэш (косая черта).

Таблица 1. Частотность существительных в выборке

Лексема	Частотность	Лексема	Частотность
school	885	leaders	51
child/kid	610	crisis	50
pupil	249	life	50
education/schooling	236	headteacher	49
parents	196	issue	48
Covid	195	staff	47
pandemic	156	student	44
teacher	151	research	43
health	131	classroom	39
behaviour	126	class	37
support	115	generation	36
absence/absenteeism	98	impact	35
government	95	services	35
attendance	93	college	29
home	93	language	28
family	92	skills	26
lockdown	88	development	24
exclusion / suspension	86	difficulties	22
problem	61	poverty	20
anxiety	54	university	20

На основании полученных данных мы объединили самые частотные существительные в тематические группы, обозначающие наиболее интенсивно обсуждаемые вопросы: «образование», «здоровье», «поведение», «эмоциональная сфера».

Как видно из Таблицы 1, преобладают существительные, по значению связанные со школой и процессом обучения – *school* (школа), *pupil* (ученик), *education* (образование), *schooling* (обучение), *teacher* (учитель) и т. п., что свидетельствует о том, что ребенок в первую очередь обсуждается как объект обучения. В группу «образование» мы также включили лексемы *language* (язык), *skills* (навыки), *development* (развитие). Частотность лексем *pandemic* (пандемия), *Covid* (ковид), *lockdown* (локдаун), *health* (здоровье) указывает на связь обсуждаемых вопросов с пандемией Covid-19. Также частотными оказываются лексемы *problem* (проблема), *difficulties* (сложности), *crisis* (кризис), *issue* (проблема), указывая на постковидные проблемы детей.

Среди аспектов личности ребенка, наиболее интенсивно обсуждаемых в рассматриваемых текстах, выделяются «поведение», репрезентируемое частотными лексемами *behaviour* (поведение), *attendance* (посещаемость), *absence/absenteeism* (отсутствие/прогулы), *exclusion/suspension* (отчисление/отстранение), и «эмоциональная сфера», представленная существительным *anxiety* (тревожность), а также однокоренным прилагательным *anxious* (тревожный) (23 употребления). Рассмотрение менее частотных слов позволило в дальнейшем расширить каждую из выделенных групп.

Для получения более информативных данных о качественных характеристиках объектов в рамках выделенных областей был проанализирован минимальный контекст употребления указанных существительных с помощью инструмента “Key-Word-In-Context” сервиса AntConc, который позволяет выделить из корпуса искомое слово в заданном диапазоне левого и правого окружения. Для установления сочетаемости достаточно рассмотреть контекст в пределах 10 токенов. Ниже приведен анализ лексем с самой частотной и / или широкой сочетаемостью. В скобках указывается количество употреблений в рассматриваемой выборке. Так, для существительного *school* (школа) самой частой коллокацией было *school leaders* (руководители школ) (32), указывающее на актора рассматриваемого дискурса.

Существительное *health* (здоровье) 4 раза употреблено в сочетании *physical health* (физическое здоровье). Более чем в 90 случаях встречается *mental health* (психическое здоровье – ПЗ) в различных коллокациях: (*serious*) *mental health issues* ((серьезные) вопросы ПЗ) (10), *mental health support* (поддержка ПЗ) (10), *mental health services* (служба охраны ПЗ) (7), (*difficult*) *mental health problems* (сложные проблемы с ПЗ) (5), *mental health professionals* (специалисты в области ПЗ) (5), (*youth*) *mental health charity* ((молодежная) благотворительная организация по охране ПЗ) (3), *mental health crisis* (кризис ПЗ) (3), *poor mental health* (плохое ПЗ) (3), *mental health lead* (руководитель отдела ПЗ) (2). По одному случаю употребления *mental health challenges / concerns / conditions / deterioration / difficulties / disorder / distress / emergency / minister / boost / improve / mandatory mental health training / worsening mental health / worst mental health levels* (вызовы ПЗ / опасения / состояния / ухудшение / трудности / расстройство / дистресс / чрезвычайная ситуация / министр / стимулирование / улучшение / обязательное обучение ПЗ / ухудшение ПЗ / наихудшие уровни ПЗ).

Приведенные данные свидетельствуют о приоритете ментального, нежели физического, здоровья детей в рассматриваемом обсуждении. Отмечается его ухудшение и серьезность возникнувших в этой области проблем.

Существительное *impact* (воздействие), с одной стороны, используется в сочетании с *Covid, lockdown, pandemic* (ковид, локдаун, пандемия), указывающих на источник воздействия, с другой стороны, с *children's education and future prospects / development / behaviour and social skills / young people's plans, confidence and hopes for a positive future / young people's education, mental wellbeing, their financial security and indeed their confidence in the future / early years development / learning / performance / schools / these vulnerable kids* (образование детей и перспективы на будущее / развитие / поведение и социальные навыки / планы молодых людей, уверенность и надежды на позитивное будущее / образование молодых людей, их психическое благополучие, их финансовая безопасность и, конечно, их уверенность в будущем / развитие в раннем возрасте / обучение / успеваемость / школы / эти уязвимые дети). То есть практически все аспекты развития, воспитания и образования детей, даже их финансовое благополучие и планы на будущее, оказываются под влиянием пережитой пандемии. Само влияние определяется как *massive / debilitating / devastating / profound / negative* (массивное / изнурительное / разрушительное / глубокое / отрицательное), подчеркивая его разрушительность.

Сочетаемость лексемы *behaviour* демонстрирует преобладание прилагательных с негативной семантикой. Поведение определяется как (*unprecedented levels of*) *disruptive behaviour* (19) / (*increasingly*) *poor* (10) / *post-Covid (pandemic) bad* (8) / *challenging* (4) / *persistent* (4) / *deteriorating* (3) / *violent* (3) / *aggressive and defiant / daunting / a worrying “behaviour bubble”* ((беспрецедентный уровень) деструктивного поведения / (все более) плохое / постковидное (пандемическое) плохое / вызывающее / упорное / ухудшающееся / жестокое / агрессивное и вызывающее / пугающее / тревожный «пузырь поведения»). Приводимые коллокации указывают не столько на беспрецедентно плохое поведение как статичный факт, сколько на процесс его ухудшения. По сути, речь идет о девиантном поведении – отклонении от принятых в обществе норм, причиняющем вред как самому человеку, так и окружающим, но при этом устанавливается причинная связь сложившейся ситуации с пандемией, что видно из следующего примера: *Worsening levels of behaviour have escalated into a crisis since the pandemic* (Adams R. ‘Bubble’ of post-pandemic bad behaviour among pupils predicted to peak. 25.08.2024. <https://www.theguardian.com/education/article/2024/aug/25/bubble-of-post-pandemic-bad-behaviour-among-pupils-predicted-to-peak>). / Ухудшение уровня поведения переросло в кризис после пандемии (здесь и далее – перевод авторов статьи. – Е. Р., Е. К.).

С расстройством поведения связана еще одна интенсивно обсуждаемая проблема – пропуски занятий, что репрезентируется лексемами *absence* (отсутствие), *absenteeism* (прогулы). *Absence* определяется как *unauthorized* (самовольное) (12), *persistent* (постоянное) (9), *increased* (участившееся) (2), *a growing problem / a full-blown national crisis* (растущая проблема / полномасштабный национальный кризис). В обсуждении падения посещаемости обнаруживаются метафоры, подчеркивающие комплексность и распространенность проблемы: *But absence is a complex, many-headed hydra* (Hinsliff G. ‘Children are holding a mirror up to us’: why are England’s kids refusing to go to school? 02.09.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/sep/02/children-are-holding-a-mirror-up-to-us-why-are-britains-kids-refusing-to-go-to-school>). / Но прогулы – это сложная многоголовая гидра. Существительное *attendance* (посещаемость) также употребляется в контексте проблемы непосещения школы. Она характеризуется как *falling/important* (снижающаяся/важная).

Стремление школ повысить посещаемость наталкивается на протест родителей, что демонстрирует цитата: *Parents in England no longer subscribe to the view that their children need to be in school full-time, according to new research which says there has been "a seismic shift" in attitudes to attendance since the pandemic* (Weale S. Parents in England no longer see daily school attendance as vital, report finds. 21.09.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/sep/21/parents-in-england-no-longer-see-daily-school-attendance-as-vital-report-finds>). / Родители в Англии больше не придерживаются мнения, что их дети должны находиться в школе постоянно, согласно новому исследованию, которое показывает, что после пандемии произошел «сейсмический сдвиг» в отношении к посещению школы.

Поведение тесно связано с эмоциональной сферой как механизмом регуляции деятельности человека. При рассмотрении сочетаемости лексемы *anxiety* обнаружили коллокации: *anxiety and exam stress* (тревожность и стресс перед экзаменом) (2) / *and depression* (и депрессия) (2) / *and other mental health difficulties* (и другие проблемы с психическим здоровьем) (2), демонстрирующие, что тревожность является лишь одной из проблем ментального здоровья. Она определяется как *severe* (2) / *mild to moderate* (2) / *chronic / constant / extreme / generalized / Covid-related / sky-high* (тяжелая / от легкой до умеренной / хроническая / постоянная / экстремальная / генерализованная / связанная с ковидом / чрезвычайно высокая). Однокоренное прилагательное *anxious* также частотно (23) в выборке. Обнаруженные коллокации *anxious about school* (2) / *about exams* / *about getting a detention* / *about mixing socially again* (беспокойство о школе / об экзаменах / о том, что меня оставляют после уроков / о том, что снова буду общаться с другими людьми) позволяют установить объекты тревоги – школа, общение, экзамены, наказание. В списке выявленных существительных, обозначающих другие эмоции, мы обнаружили высокую частотность номинаций отрицательных эмоциональных состояний: *fear* (страх) (16) / *worry(ing)* (беспокойство) (14) / *concerned* (обеспокоенный) (16) / *frustrated* (разочарованный) (4) / *hopeless (about the future)* (безнадежный (относительно будущего)) / *emotional grief* (эмоциональная скорбь) / *frightened* (напуганный). Для сравнения, из номинаций положительных эмоций выявлены только *happy* (счастливый) (7) и *happiness* (счастье) (3), употребленные в контексте отсылки к доковидному времени.

Психическое здоровье детей характеризует следующая цитата: *...perhaps the most perplexing problem facing headteachers is an apparent wave of chronic anxiety in children, leading to what was formerly known as school refusal – now termed "emotionally based school avoidance"* (Hinsliff G. 'Children are holding a mirror up to us': why are England's kids refusing to go to school? 02.09.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/sep/02/children-are-holding-a-mirror-up-to-us-why-are-britains-kids-refusing-to-go-to-school>). / ...пожалуй, самой сложной проблемой, с которой сталкиваются директора школ, является явная волна хронической тревожности у детей, приводящая к тому, что раньше называлось отказом от посещения школы, а теперь называется «эмоционально обусловленным избеганием школы». Очевидно, что прогулы связываются с расстройством эмоциональной сферы и главной причиной является тревожность.

Особого внимания заслуживает рассмотрение сочетаемости лексемы *skills*, так как оно демонстрирует, какие навыки ожидаются от детей, но оказываются недостаточно сформированными в силу ковидных ограничений. В первую очередь, серьезную озабоченность вызывают навыки коммуникации, о чем свидетельствуют коллокации *communication and social skills* (коммуникативные и социальные навыки) (9) и *emotional skills* (эмоциональные навыки) (5). Также обсуждаются *language skills* (языковые навыки) (5) и *literacy skills* (навыки грамотности) (4).

Отмечается, что пострадало не только социально-коммуникативное, но и интеллектуальное развитие ребенка. Неоднократно подчеркивается, что уровень сформированности необходимых навыков не соответствует возрастной норме, что иллюстрируется цитатами: *Babies born in England during the Covid crisis have been slower at developing key language, cognitive and social skills* (Adams R. Rapid help needed for Covid babies who fell behind, says former Ofsted chief. 05.01.2024. <https://www.theguardian.com/education/2024/jan/05/rapid-help-needed-for-covid-babies-who-fell-behind-says-former-ofsted-chief>). / У детей, родившихся в Англии во время кризиса, вызванного ковидом, наблюдалось замедленное развитие ключевых языковых, когнитивных и социальных навыков. *While secondary schools are reporting an increase in reading difficulties among year 7 pupils, poor personal organization and challenging patterns of interaction, ... primary schools are reporting very serious problems of arrested language development, lack of toilet training, anxiety in being in social spaces, and depressed executive function* (Adams R. Impact of Covid lockdowns to disrupt England's schools into the 2030s, report says. 09.09.2024. <https://www.theguardian.com/education/article/2024/sep/09/impact-of-covid-lockdowns-to-disrupt-englands-schools-into-the-2030s-report-says>). / В то время как средние школы сообщают об увеличении трудностей с чтением среди учеников 7-го класса, плохой самоорганизации и проблемных моделях взаимодействия, ...начальные школы – об очень серьезных проблемах, связанных с задержкой речевого развития, отсутствием обучения пользованию туалетом, тревожностью в социальных пространствах и исполнительной дисфункции.

Особую тревогу вызывает уровень овладения родным языком. Лексема *language* (язык) употреблена 28 раз в негативном контексте. Обнаружены следующие коллокации: *speech and language difficulties / delays / therapy / therapists; behind / struggle with / catch up on / speech and language development; arrested / poor / language development; undiagnosed language difficulties* (трудности с речью и языком / задержки / терапия / терапевты; отставание / трудности с / намерстывание / развития речи и языка; задержка / плохое / развитие речи; недиагностированные речевые трудности).

При обсуждении других трудностей, испытываемых ребенком, упоминаются: *social* (3) / *emotional* (4) / *communication / learning / behavioral / developmental / mental health / family difficulties* (социальные / эмоциональные / коммуникативные / в обучении / поведенческие / с развитием / с психическим здоровьем / семейные трудности).

Анализ коллокаций с наиболее частотной лексикой позволил уточнить круг интенсивно обсуждаемых вопросов, которые репрезентируют образ ребенка. Это *attendance* (посещаемость), *behaviour* (поведение), *anxiety* (тревожность), *mental health* (психическое здоровье) и *skills* (навыки). При освещении каждого аспекта преобладает негативно окрашенная лексика, создавая мрачный эмоциональный фон.

Дискурс, разворачивающийся в анализируемых публикациях, может быть определен как *общественный*. В нем взаимодействуют представители различных социальных групп, обсуждая проблему, затрагивающую все общество в целом. Основными институциональными акторами дискурса являются 1) родители, 2) учителя и другие сотрудники школ, 3) руководители школ и сообщества директоров, 4) общественные и благотворительные организации и фонды, 5) представители комитета образования и других регулирующих органов, 6) политики, 7) юристы, 8) исследователи, 9) журналисты. Ребенок не только является объектом дискурса, но и сам становится актором: в ряде статей содержатся результаты опроса детей об их опыте переживания пандемии и трудностях возврата к обычной жизни. Таким образом, можно говорить о представленности в рамках рассматриваемого дискурса субдискурсов: родительского, педагогического, детского, журналистского, юридического, статистического и дискурса власти, в том числе политического.

Для моделирования образа ребенка в указанных субдискурсах в каждом были выделены минимальные текстовые фрагменты, содержащие лексические топик-маркеры рассмотренных выше аспектов личности. Всего проанализированы 535 фрагментов. Более детальный анализ содержания высказываний акторов каждого субдискурса обнаружил такие особенности постковидных детей, которые не были выделены при количественном контент-анализе, а именно *lack of energy* (недостаток энергии), *special needs* (особые потребности), *disruption of education* (перерыв в обучении), *concern for the future* (беспокойство за будущее). Несмотря на то, что все аспекты так или иначе присутствуют в каждом субдискурсе, их восприятие и смысловая наполненность различны. Рассмотрим их актуализации в речи участников.

1. *Attendance* (посещаемость), являясь самой интенсивно обсуждаемой темой в каждом субдискурсе (108 фрагментов – 20,2%), оказывается источником конфликтов между позицией родителей, учителей и представителей власти. Позиция представителей образования по возвращению детей в школу определяется как *the biggest challenge* (самый большой вызов) или *daily battle* (ежедневная битва). Подчеркивается насильственность этого процесса: *...forcing them to attend is like forcing them “to go back into a burning building”* (Fazackerley A. ‘I felt absolutely lost’: the crisis behind the rising number of UK children being homeschooled. 21.09.2024. <https://www.theguardian.com/education/2024/sep/21/crisis-uk-children-homeschooled-parents-pupils-schools>). / ...заставлять их посещать занятия – это то же самое, что заставлять их «возвращаться в горящее здание». Причина низкой посещаемости определяется как *cultural shift* (культурный сдвиг), а масштабы проблемы как *full-blown national crisis* (полномасштабный национальный кризис). Однако родители сопротивляются давлению школы, чувствуя, что вся система образования *is broken and is working against them* (сломана и работает против них). При этом, позиция родителей в дискурсе учителей определяется как *parental challenges to rules* (родительский вызов правилам).

В дискурсе представителей власти проблема генерализируется, сводясь к прогнозируемому уменьшению жизненных шансов. *The failures of the government’s Covid recovery scheme, plummeting pupil wellbeing and the growing epidemic of mental ill health in our schools is driving non-attendance, which will lead to lower attainment and lower life chances for children and young people* (Adams R. ‘Cultural shift’ since pandemic causing attendance crisis in English schools. 13.01.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/jan/13/cultural-shift-since-pandemic-causing-attendance-crisis-in-english-schools>). / Неудачи правительственной программы восстановления после ковида, резкое ухудшение благополучия учащихся и растущая эпидемия психических заболеваний в наших школах приводят к непосещению занятий, что приводит к снижению успеваемости и снижению жизненных шансов детей и молодежи.

Однако в дискурсе детей эта проблема мало представлена. Обнаружены два фрагмента, в которых выражается нежелание идти в школу, так как она ощущается как *prison of learning* (обучающая тюрьма).

2. Второе по значимости место занимает обсуждение аспекта *behaviour* (74 фрагмента). К маркерам данного топика мы также относили *violence and abuse / a worrying “behaviour bubble”* (насилие и жестокое обращение / вызывающий беспокойство «пузырь поведения»). В разной степени этот топик присутствует в каждом выделенном субдискурсе. Наибольшее внимание данной проблеме уделено в дискурсе учителей (19 фрагментов). Их особенно волнует, что плохое поведение постепенно становится нормой, педагоги не чувствуют себя защищенными от вербальных и физических нападок учеников. Школьники описываются как *defiant and refusing* (дерзкие и отказывающиеся подчиняться), не соглашающиеся выполнять простейшие требования.

Не остаются в стороне и политики, для которых решение проблемы плохого поведения учащихся является одним из предвыборных обещаний. Для них это борьба с наследием Консервативной партии, которая не смогла провести необходимые реформы в школьном образовании: *The merry-go-round of Tory ministers in recent years failed to grip the rising tide of poor behaviour pre-pandemic and then told children and their families they’d ‘maxed out’ on Covid recovery support. This government will do the hard yards and get to the root of much of the bad behaviour blighting our schools* (Adams R. ‘Bubble’ of post-pandemic bad behaviour among pupils predicted to peak. 25.08.2024. <https://www.theguardian.com/education/article/2024/aug/25/bubble-of-post-pandemic-bad-behaviour-among-pupils-predicted-to-peak>). / Карусель министров-консерваторов последних лет не смогла справиться с растущей волной плохого поведения до пандемии, а затем заявила детям и их семьям, что они «исчерпали» поддержку на восстановление после ковида. Это правительство проделает тяжелую работу и доберется до корня большей части плохого поведения, омрачающего наши школы.

В родительском дискурсе этот аспект также представлен, но в другой тональности. Их волнуют изменения в домашнем поведении и отношении детей к школе. Это иллюстрирует высказывание матери о десятилетнем ребенке: *She would stop talking for periods of time – we’d find her curled up and feeling low. I don’t think she’s ever really recovered from that* (Skopeliti C. ‘It broke the link’: how the pandemic disrupted children’s relationship with school. 23.03.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/mar/24/it-broke-the-link-how-the-pandemic-disrupted-childrens-relationship-with-school>). / Она на какое-то время замолкала – мы находили ее свернувшейся калачиком и подавленной. Я не думаю, что она действительно оправилась от этого.

3. С такой же частотой обсуждается проблема соответствия достижений детей социально-нормативным возрастным ожиданиям – *age-related expectations* (возрастные ожидания) (73 фрагмента), актуализируемая также топик-маркерами *developmental setbacks / developmental milestones / skills / socio-emotional skills* (задержки в развитии / этапы развития / навыки / социально-эмоциональные навыки). Наиболее активно она представлена в дискурсе исследователей, представляющих статистические результаты тестирований навыков. Через определения *slow, behind* (замедленный, отстающий) транслируется идея отставания в развитии: *children behind on milestones* (дети, отстающие в развитии на важных этапах).

В дискурсе учителей эта проблема представлена эмоционально окрашенной, вызывающей раздражение, сомнения в своих профессиональных качествах: *Then you get grilled when some kids haven’t reached age-related expectations. The task is impossible* (Otte J. ‘The task is impossible’: three teachers on why they are quitting. 05.07.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/jul/05/the-task-is-impossible-three-teachers-on-why-they-are-quitting>). / А потом тебя донимают, когда некоторые дети не достигают ожидаемых возрастных показателей. Задача невыполнима. *I don’t feel that I am a teacher; I’m babysitting until 3pm, as pupils’ behaviour leaves no room for teaching* (Otte J. ‘The task is impossible’: three teachers on why they are quitting. 05.07.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/jul/05/the-task-is-impossible-three-teachers-on-why-they-are-quitting>). / Я не чувствую себя учителем; я работаю нянкой до 15:00, так как поведение учеников не оставляет места для обучения.

Помимо уже отмеченной озабоченности недостаточным развитием навыков общения, учителей раздражает отсутствие навыка самообслуживания, использование подгузников детьми школьного возраста.

Все участники обсуждения отмечают, что отсутствие необходимых навыков негативно повлияет на будущее детей. *Bridget Phillipson, the shadow education secretary, said: “That so many of our youngest children are missing the crucial building blocks that lay the foundation for their future life chances is nothing short of a modern-day scandal”* (Adams R. Rapid help needed for Covid babies who fell behind, says former Ofsted chief. 05.01.2024. <https://www.theguardian.com/education/2024/jan/05/rapid-help-needed-for-covid-babies-who-fell-behind-says-former-ofsted-chief>). / Бриджит Филлипсон, теневой министр образования, заявила: «То, что так много наших самых маленьких детей лишены важнейших строительных блоков, которые закладывают основу их будущих жизненных возможностей, – это не что иное, как современный скандал».

4. На четвертом месте по значимости находится проблема ментального здоровья (60 фрагментов), представленная маркерами *mental health* и *emotional regulation* (эмоциональная регуляция). Этот аспект представлен во всех рассматриваемых субдискурсах. Помимо обобщенного недифференцированного определения проблем в ментальной сфере детей и подростков, приводящих либо к первичной диагностике расстройств аутистического спектра, либо к их обострению, отдельно обсуждается высокий уровень тревоги (56 фрагментов) и других негативных эмоциональных состояний, маркированных лексемами *anxiety / fear / panic / stress / worry / frustrated / disregulated* (тревога / страх / паника / стресс / беспокойство / разочарование / неуравновешенность). Особенно частотное упоминание данного аспекта в детском (15 фрагментов) и родительском (14 фрагментов) субдискурсах. В них актуальным оказывается также обсуждение физического состояния детей. В первую очередь, речь идет об упадке сил, вялости (*lack of energy*) (14 фрагментов). В других субдискурсах маркеров данного топика обнаружено не было.

5. Ковидные ограничения привели к появлению проблемы перерыва в обучении (52 фрагмента), что беспокоит, в первую очередь, самих детей (14 фрагментов) и исследователей (14 фрагментов). Этот топик представлен маркерами *disruption of education / learning loss / academic attainment / academic catch-up / home education* (перерыв в образовании / потери в обучении / академическая успеваемость / наверстывание упущенного / домашнее обучение). Оказалось, что в наименьшей степени это заботит учителей, руководителей школ, политиков и юристов (от 1 до 3 фрагментов). Чуть больше заинтересованы представители общественных организаций (5 фрагментов) и комитета образования (6 фрагментов).

Особо остро в дискурсе как родителей, так и детей обсуждается проблема наверстывания упущенного (*catch-up*). Дети ощущают себя под постоянным несправедливым давлением, отмечают чувство беспомощности. *Catching up means a lot of extra work, and being constantly told that I should already know all this stuff isn’t great for my self-esteem* (Hill A. ‘We’re on permanent catch-up’: how Covid has changed young Britons’ lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / Наверстывание упущенного означает много дополнительной работы, и постоянные напоминания о том, что я уже должен все это знать, не очень хорошо влияют на мою самооценку. *I’ll never catch up – I can’t magic up a year’s worth of muscle. This means I’ll leave uni never having achieved the creative and physical strength that graduates did before me* (Hill A. ‘We’re on permanent catch-up’: how Covid has changed young Britons’ lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / Я никогда не наверстаю упущенное – я не могу волшебством сотворить то, что стоит года усиленной работы. Это означает, что я окончу универ, так и не достигнув таких творческих и физических преимуществ, как выпускники до меня.

Тесно связанной с этой проблемой предстает беспокойство за будущее (49 фрагментов), маркированное *concern for the future / life chances* (беспокойство о будущем / жизненные шансы), из которых 21 обнаружился в детском дискурсе, 4 – в политическом, 4 – в дискурсе представителей общественных организаций и 2 – у представителей комитета образования. В дискурсе учителей и школьного руководства проблема упоминается по 1 разу.

Подростков в первую очередь волнуют проблемы самоопределения, что следует из цитат: *I don't feel I really know who I am or what I'm fully capable of. I've put a lot of thought into what my limits are and how I need to work within them across my career and life. The question of whether I'm wasting my time has become a constant anxiety to me* (Hill A. 'We're on permanent catch-up': how Covid has changed young Britons' lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / Я чувствую, что я действительно не знаю, кто я или на что я способен. Я много думал о том, каковы мои пределы и как мне нужно работать в этих рамках по жизни и в карьере. Вопрос о том, не трачу ли я время впустую, постоянно тревожит меня. Источником проблемы они определяют ковид: *I feel we've probably been permanently disadvantaged by it. Covid totally disrupted my generation's transition to adulthood. Covid is still changing me. Covid changed the whole context of my life* (Hill A. 'We're on permanent catch-up': how Covid has changed young Britons' lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / Я чувствую, что из-за этого мы, вероятно, навсегда оказались в невыгодном положении. Ковид полностью разрушил переход моего поколения ко взрослой жизни. Ковид все еще меняет меня. Ковид изменил весь контекст моей жизни. Они ощущают неконтролируемость собственной жизни: *...it shows how small and insignificant I am in this world; my life could be closed down and I'd have no control over that. That powerlessness feeds through to many other feelings* (Hill A. 'We're on permanent catch-up': how Covid has changed young Britons' lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / ...это показывает, насколько я мал и незначителен в этом мире; моя жизнь может остановиться, и я не смогу ее контролировать. Это бессилие пронизывает и многие другие чувства.

С другой стороны, дети осознают себя представителями нового поколения с собственными взглядами на происходящее в их жизнях и в обществе в целом. Они не верят в авторитет политиков и готовы на протест: *One thing that my generation does have, though, is a clearer perspective to rebel against / we'll be revolutionary... The conventional structure of authority has disappeared for me and my peers... My peers have become quite disillusioned with the idea of authority as a result... there's a discourse to be had about the "why" of every rule* (Hill A. 'We're on permanent catch-up': how Covid has changed young Britons' lives. 29.01.2023. <https://www.theguardian.com/society/2023/jan/29/were-on-permanent-catch-up-how-covid-has-changed-young-britons-lives>). / Но одно, что есть у моего поколения, – это более ясная перспектива, против чего бунтовать / мы будем революционерами... Традиционная структура власти исчезла для меня и моих сверстников... Мои сверстники в результате сильно разочаровались в идее власти... нужно вести разговор о «почему» каждого правила.

6. Наконец, последней темой, обнаруженной практически во всех дискурсах, кроме детского, является необходимость особой поддержки (49 фрагментов) ребенка, что маркировано лексемами *special needs / extra support* (особые потребности / дополнительная поддержка). На особом подходе настаивают учителя, отмечая, что на это нет ни времени, ни материальных и человеческих ресурсов (по причине непомерной нагрузки и массового увольнения). Один из учителей указывает причиной своего ухода из профессии: *...the school's inability to provide for children with Send (special educational needs and disabilities) due to a lack of expertise and lack of support, coupled with really high pressure and high expectations that the school governors pass down* (Otte J. 'The task is impossible': three teachers on why they are quitting. 05.07.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/jul/05/the-task-is-impossible-three-teachers-on-why-they-are-quitting>). / ...неспособность школы обеспечить детей с особыми образовательными потребностями и нарушениями из-за отсутствия опыта и поддержки, а также действительно высокого давления и высоких ожиданий со стороны руководства школы.

Особого подхода требуют родители, столкнувшиеся с трудностями в обучении детей. Не получая поддержки, они переводят детей на домашнее обучение: *Our daughter attends the local comprehensive that is beset by the usual problems – underfunding, understaffing, lack of special needs support, classes not covered by subject specialists. The atmosphere is frequently chaotic and not conducive to learning* (Letters. Covid changed parents' and pupils' relationship with school. 27.11.2023. <https://www.theguardian.com/education/2023/nov/27/covid-changed-parents-and-pupils-relationship-with-school>). / Наша дочь посещает местную общеобразовательную школу, которая сталкивается с обычными проблемами – недофинансированием, нехваткой персонала, отсутствием поддержки для детей с особыми потребностями, занятиями, не охваченными специалистами по предметам. Атмосфера часто хаотична и не способствует обучению.

При этом в политическом дискурсе проблема особых потребностей признается как общегосударственная: *Stephen Morgan, the education minister, said: "These shocking figures are a wake-up call about the problems that have grown in our schools in recent years. They put into sharp focus ... that our education system is failing to meet the needs of children with additional needs"* (Adams R. Sharp increase in pupils suspended or excluded from schools in England. 18.07.2024. <https://www.theguardian.com/education/article/2024/jul/18/sharp-increase-in-pupils-suspended-or-excluded-from-schools-in-england>). / Министр образования Стивен Морган заявил: «Эти шокирующие цифры – тревожный сигнал о проблемах, которые выросли в наших школах в последние годы. Они четко указывают на то, что... наша система образования не в состоянии удовлетворить детей с дополнительными потребностями».

Результаты количественного и качественного контент-анализа позволяют прийти к выводу, что образ ребенка, транслируемый в британских СМИ, не является однородным образованием. Он представляет собой междискурсивный феномен, складывающийся на пересечении различных субдискурсов: родительского,

педагогического, детского, журналистского, юридического, статистического, политического, представленных в рамках общественного дискурса СМИ. Ключевыми топиками обсуждения, которые можно рассматривать в качестве значимых компонентов образа постковидного ребенка, являются «посещаемость», «поведение», «ментальное здоровье», «тревожность», «соответствие возрастным ожиданиям», «перерыв в обучении» и «особые потребности».

Проблемный характер каждого компонента приводит к обсуждению негативных последствий в будущем как для самих детей, так и для общества в целом. Несмотря на представленность практически каждого топика в выделенных субдискурсах, акторы каждого из них используют образ ребенка для достижения собственных целей и решения собственных проблем. В родительском дискурсе на первый план выходят проблемы адаптации после возвращения в школу и высокий уровень тревожности. В дискурсе учителей – это проблемное поведение детей, несоответствие возрастным нормам и повод для увольнения. Представители руководства системы образования также видят в детях источник проблем, решение которых требует реформ в системе образования. В политическом дискурсе дети и их проблемы являются доводом в борьбе с политическими оппонентами. Сами же дети осознают себя как представителей нового общества, переживают чувство утраты контроля над своими жизнями, тревожатся о будущем и готовы искать новые авторитеты и перестраивать общество.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что цель рассмотренных медиатекстов заключается не только в информировании читателя об изменениях, происходящих в личности «ковидных» (постпандемных) детей, но и в формировании отношения к более глубоким изменениям, осуществляющимся как в системе образования Великобритании, так и в обществе в целом. В публикациях отражена трансформация личностных и общественных ценностей и установок вовлеченных лиц; прогнозируется и моделируется новая социальная действительность.

Через трансляцию негативных прогнозов развития «ковидных» детей создается мрачный идеологический фон. Ребенок и его личностные проблемы оказывается вовлеченным в широкий круг общественных и политических вопросов: от нехватки учителей и специалистов для работы с особыми детьми до некомпетентности правительства. Время покажет, станет ли вызывающий общественную тревогу образ ребенка, представленный в современных СМИ, «новой нормальностью». Исследование может быть продолжено на другом материале и в сравнительном аспекте при сопоставлении его в зарубежных и российских СМИ, что может способствовать развитию знания о культурно обусловленных особенностях восприятия детей в различных обществах.

Источники | References

1. Байбатырова Н. М. Медиапортрет врача в эпоху пандемии коронавируса: опыт региональных СМИ // Меди@льманах. 2022. № 3 (110).
2. Богомякова Е. С. Социальные проблемы как дискурс: производство новых форм неравенства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 4.
3. Горностаева Ю. А. Лексико-семантическое поле «коронавирус» как языковое средство манипуляции в американском политическом поляризованном дискурсе СМИ: дискурсивный и корпусный анализ // Культура и текст. 2021. № 2 (45).
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, Добросвет, 2020.
5. Калинин О. И. Формирование медиаобраза болезни как способ борьбы с эпидемией (на материале китайских СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 10 (852).
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 3.
7. Катермина В. В., Липириды С. Х. Лингвокультурный аспект новой лексики пандемии коронавируса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2.
8. Клещенко Л. Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России // Комплексные исследования детства. 2019. Т. 1. № 4.
9. Лосева Е. С., Фадеева Т. Ю. Образ ребенка в новостных публикациях СМИ // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 4 (42).
10. Нагибина И. Г., Экзархова А. С. Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника // Terra Linguistica. 2023. № 4.
11. Пак Л. Е. Медиаобраз "Covid-19" в электронных периодических СМИ Великобритании // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 4 (37).
12. Полонский А. В. Медиа – Дискурс – Концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6).
13. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.

14. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001.
15. Щербинина Ю. В. Педагогический дискурс: типическое и архетипическое // Наука и школа. 2010. № 2.
16. Ягуфаров Р. А., Ань Л. Языковые средства формирования медиаобраза Джо Байдена в текстах англоязычных СМИ КНР // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 9 (123).
17. Davies M. M., Mosdell N. The Representation of Children in the Media: Aspects of Agency and Literacy // The Politics of Childhood / eds. J. Goddard, S. McNamee, A. James. L.: Palgrave Macmillan, 2005.
18. Dijk T. A. van. Social cognition, social power and social discourse // Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1988. Vol. 8. № 1-2.
19. Enkvist N. E. Discourse strategies and discourse types // Functional and Systemic Linguistics: Approaches and Uses / ed. by E. Ventola. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
20. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. L.: Longman, 1995.
21. González H., Errasti-Ibarrondo B., Iraizoz-Iraizoz A., Choperena A. The image of nursing in the media: A scoping review // International Nursing Review. 2023. Vol. 70 (3).
22. Hu X. China's Image in the GCC Mainstream English Newspapers: A Corpus-Based Critical Discourse Analysis // Critical Arts. 2023. № 37 (6).
23. Jørgensen M., Phillips L. J. Discourse Analysis as Theory and Method. L.: SAGE Publications Ltd., 2002.
24. Korać N., Vranješević J. A roughly mapped terra incognita: image of the child in adult-oriented media contents // PSIHLOGIJA. 2003. Vol. 36 (4).
25. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. L.: Routledge, 1964.
26. Schäfer M. S. News media images of climate change: Reviewing the research // Research Handbook on Communicating Climate Change / ed. by D. C. Holmes, L. M. Richardson. 2020. <http://dx.doi.org/10.4337/9781789900408.00024>

Информация об авторах | Author information

Рыжкова Елена Владимировна¹, к. филол. н.
Кокконен Елена Иогановна², к. психол. н., доц.

^{1, 2} Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Elena Vladimirovna Ryzhkova¹, PhD
Elena Ioganovna Kokkonen², PhD

^{1, 2} Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

¹ Yelena.Ryzhkova@novsu.ru, ² keli77@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.04.2025; опубликовано online (published online): 22.04.2025.

Ключевые слова (keywords): медиаобраз ребенка; постковидный ребенок; британские СМИ; моделирование медиаобраза; междискурсивный феномен; media image of the child; post-COVID child; British media; modeling media image; interdiscursive phenomenon.